

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М17

Иллюстрации на первой стороне обложки —
художник *Максим Обрезков*

Издательство выражает благодарность литературному агенту
Светлане Поляковой за помощь в приобретении прав на издание

Максимов, Андрей.

М17 Так любят люди : психофилософский роман / Андрей Максимов. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-04-090559-1

Хотите узнать подлинные, не приукрашенные истории любви? Хотите понаблюдать за тем, как взрослый мужчина мучается на безлюбье и обретает новое чувство в странном и таинственном месте посреди Москвы? Все это в новом романе известного писателя и телеведущего Андрея Максимова «Так любят люди». Если вы считаете, что на свете нет ничего важнее любви; если вам интересно узнать, как сегодня любят люди; если вам интересно прочесть необычную смесь психологии, философии и документалистики — этот роман для вас.

Андрей Максимов — известный журналист, писатель, радио- и телеведущий, театральный режиссер. Колумнист «Российской газеты». Автор бестселлеров «Как не стать врагом своему ребенку», «Психофилософия. Книга для тех, кто перепутал себя с камнем», «Психофилософия 2.0» и др.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090559-1

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

*С огромной благодарностью
я посвящаю свой роман
ЛЮДЯМ, ПРИХОДИВШИМ КО МНЕ
НА ПСИХОФИЛОСОФСКИЙ РАЗГОВОР.*

*Все истории, составившие эту книгу,
услышаны от вас.*

Все истории подлинные.

*Разумеется, я поменял имена, изменил кое-
какие детали, но все истории — настоящие, так
все на самом деле и происходило.*

Люди любят так.

Я знаю, что помог многим из вас.

*Но вы и не догадываетесь, как помогли
мне вы. Помогли понять себя и мир, в котором
стараюсь жить.*

*Помогли понять любовь, которую, конечно,
понять до конца невозможно.*

Спасибо вам.

Кто пишет — тот действует, пускает в оборот переживания и жизнь, непосредственно либо опосредованно, в силу тех или иных причин, побуждающих человека писать, нередко обманчивых; непосредственно или опосредованно — это уж смотря по тому, каков его характер: в моем случае о непосредственности нет речи. Я не из числа писателей-эксгибиционистов, не знающих стыда, не из тех, кто так и сяк монтирует, сочиняет и пересочиняет свою жизнь, не принадлежу я и к тем, кто ушатами выплескивает на тебя витиеватые словеса, так что недолго и захлебнуться, барахтаясь в потоках авторского красноречия.

Я из цеха слесарей и конструкторов мысли, которым нелегко приходится с их собственными находками и выдумками, так как эти находки то и дело перечеркивают авторские планы и замыслы и даже убеждения... У меня не мысли рождают образы, а, напротив, образы рождают мысли. Моя писанина нацелена куда-то в сторону от моего «я», хотя я и не написал чего-то, что не было бы связано с пережитым лично мной, с моими вытесненными либо давно забытыми переживаниями, чувствами и мыслями...

Фридрих ДЮРРЕНМАТТ

НАЧАЛО

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ, 48 ЛЕТ,
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ:

— Ну, значит, компания была... Ага... Одна компания такая была... Ну, на море познакомились... А на море что делать, кроме как купаться и выпивать? Ну, выпивали, значит, познакомились. Игорь, Лена... Это, значит, они... Маша, Иван... Это я Иван, а Маша — жена моя... Ну, тогдашняя...

И вот, значит, стали общаться... Ну, дружить типа. Праздники там... Выходные... Ага. Они — выпивку, мы — закуску. Или наоборот. Ну, чтоб порядок. Дружили, значит, хорошо.

И, главное, мне поначалу Ленка не нравилась вообще... Ну, Ленка и Ленка... И имя еще какое-то... Никакое: Ленка. Машка, правда, тоже... Короче, не везет мне на имена, но дело не в этом... Ага.

Не нравилась Ленка. Чего-то я в ней не замечал, понимаете? Сейчас вот замечаю, а тогда

не замечал. Сейчас вот смотрю на нее... Ну, в постели... Так у нее все прилажено крепко. А тогда не замечал. Долго так не замечал. А потом Машка, ну, жена моя тогдашняя, стала меня игнорировать как мужчину. Ага. Голова у нее стала все время болеть. Я только к ней — у нее голова болит. Или месячные... Хотя мы раньше и во время месячных... Или устала... Мне обидно стало.

А может, я придумал все это, чтобы типа оправдаться? Не знаю...

С Ленкой постепенно все начало происходить. Не сразу. На балкон там покурить выйдем... Или вот приходим типа праздновать: хлеб забыли купить. Ленка в магаз, я — за ней. Типа за компанию. Но про любовь не думал: все-таки жена друга.

А потом как получилось? Я в ихнем районе был, и у меня время свободное, типа некуда деться. Я Игорьку позвонил. Игорька не было, а Ленка-то была. «Заходи, — говорит, — чайку попьем».

Попили... Она меня в халате встретила. Ну, я поначалу внимания не обратил: мы ж друзья типа. Можно и в халате. А потом...

Оказалось, что она давно ко мне... А я и не знал... Да и она мне тоже, если честно, постепенно... Ага... Только то, что жена друга, и останавливало...

Мы скрывались с ней, типа тихарились. Ну, потому что две семьи разрушаются, не дело все-таки... Ага. Но не можем мы с Ленкой дружка без дружки. И дело не в сексе, хотя

секс, конечно, да... Но не в этом дело. Не только. Разговоры, понимаете? Мы с ней, бывало, идем по городу, садимся на скамеечку, говорим... Про все. И про все интересно.

Тихарились мы так, тихарились. Мочи нет. Да и наши стали догадываться. У Машки голова перестала болеть, но мне уже не надо это все было. Потому что я вот это вот, когда в одном временном отрезке мужик с двумя бабами ложится, не понимаю. Может, не современный я, но не понимаю.

Игорь тоже стал на меня коситься. Так-то ничего не говорил, но видно, что косился...

Короче, стоворились мы с Ленкой. И в один вечер она своему объявила, я — своей. Там — скандал, слезы... Типа: ля-ля...

В общем, разъехались.

— А дети есть у вас? В вашей семье и в той?

— При чем тут? У нас есть с Машкой сын.

Взрослый. Мы с Машкой давно живем... Он отдельно проживает. У Ленки с Игорем там чего-то не срослось... Я не в курсе, если честно. Ага. В общем, детей нет.

Но это ни при чем тут совсем.

И вот. Стали мы с Ленкой снимать квартиру. Хорошую такую, однокомнатную, правда, зато кухня такая нормальная, мы там с ней говорили все время, с Ленкой в смысле.

Сначала хорошо все было. А потом, год еще не прошел... Или прошел? Не, не прошел... И вот, значит, стал я замечать, что чего-то не так у нас. Понимаете? Ну, чувствуется это всегда, ага? Нет, Ленка мне не отказывала никогда.

Это вообще у нее так всегда: что в сексе, что поговорить, что водочки выпить... Не бывает отказа. Но какая-то фигня... Чувствуется. И, главное, если она чувствуется, то уже не уйдет никуда. Это точно совершенно. Тогда я решил поставить две видеокамеры...

— Извините, а вы где работаете? Я, например, вообще не представляю, где берут видеокамеры и как их устанавливают...

— Я бизнесмен. Не важно. Если вам видеокамеры понадобятся, я помогу...

Ну вот, значит, две поставил. Комната, кухня. Поставил. Ага.

И вот прям очень быстро... Дня через два...

Смотрю то, что та сняла, что в комнате.

И вижу, что приходит к моей бывший ее муж, Игорь, то есть она его ведет в постель и они там... Понимаете? Ага.

И, главное, та камера, что на кухне была, не показывает ничего. Понимаете? Они не разговаривали даже. Даже чай не пили. Или там еще чего. Игорь этот пришел, свое дело сделал и ушел. И все.

Ну, я к жене. А она, главное, не отпирается вообще. Ага. Она говорит:

— Да, — говорит. — А что ты так волнуешься? Мы с Игорем десять лет жили.

Представляешь, сколько раз мы с ним? Разом больше, разом меньше — это что, так принципиально? И вообще, если хочешь, мы закончим с ним это. Обещаю.

— Если бы, — говорит, — чужой какой-то мужик, ну, типа новый — тогда да. А так чё?

Просто помогла ему и все. А чё ему делать, сам подумай? Не к проституткам же ходить? И потом, я с ним совсем не так себя веду, как с тобой. Я с ним фригидная совсем. Давай вместе посмотрим, что ты там снял, — сам убедись.

— И вы вместе... все это смотрели...

— Один раз. Я не смог больше. Но надо же было типа разобраться. Ага. Ну, она совсем другая с ним, правда. Совсем фригидная. Я первый-то раз в нерве был — не заметил. А когда спокойней стал, пригляделся... Вообще... Как сказать? Без удовольствия она вообще там это все... Понимаете?

— Иван Сергеевич, вы извините. Но вы ко мне зачем пришли? Когда ко мне люди приходят, я прошу их четко сформулировать вопрос, который их ко мне привел. У вас какой вопрос?

— Сейчас... Мы потом еще с Ленкой говорили... Она предлагала еще раз видео посмотреть, но я не смог. Я уже говорил, да?

Я вот чего понять хочу: она изменяла мне или действительно просто пожалела Игоря? Она вообще, Ленка, добрая очень. По жизни. Щенка вот на улице подобрала, принесла. Забавный такой... Ага.

Вот вам рассказал и понял: все-таки это не измена. Нет. Просто Ленка — добрый человек. Бывают же такие люди, как думаете?

Вот она тоже: увидела, что мне это неприятно, и сказала, что не будет такого больше никогда. Все.

— А камеры вы убрали?

— Зачем? Перевесил на другое место. Они — скрытые, незаметные совсем. Но ничего на них нет. Ленка слово свое держит.

Спасибо, что выслушали. Вот рассказал и понял: нет, не измена это. Неприятное такое происшествие. Ага. Но не измена. Точно: не измена.

Я ничего не понимаю в любви.

Если бы я понимал в любви, я бы не ходил сейчас по своей квартире в абсолютно не гордом одиночестве и не вел бы бесконечных разговоров про любовь с самим собой.

Я бы жил с женой. И мы бы с ней сидели вечером при выключенном телевизоре, выпивали бы чего-нибудь помаленьку и говорили бы о чем угодно, но только не про любовь.

Потому что, когда любовь есть, о ней не умничают — ею живут.

Любовь — море. Прыгнул — плыви. Чего рассуждать?

Если человек плывет в море и размышляет, скажем, о том, как бы лучше преодолеть набегающую волну или как правильной грести руками-ногами, — он утонет. И все тут.

Либо размышляешь, либо плывешь.

И третьего не дано.

Я хожу по квартире, курю, конечно, выпиваю чуть-чуть, и думаю о том, что в юности любовь — это соревнование. И с окружающими, и с самим собой.

Я отчетливо помню тот день, когда стал мужчиной. Моя первая любовь была старше меня на девять лет.

Она была очень умелой, и я сразу понял, что такое счастье в любви.

Ее звали Ольга. С шестнадцати лет я ненавижу женщин с этим именем.

Впрочем, ненавидеть я стал позже.

В день, когда я стал мужчиной, я вышел на улицу и подумал, что теперь я такой же, как все. Я теперь ничем не отличаюсь от этих нормальных, взрослых людей.

Мне было тогда шестнадцать лет, и я не подозревал, что все самые ужасные ужасы в жизни будут у меня связаны именно с любовью, в которой я ничего не понимаю.

Я тогда в любви плыл. Потому что, если впервые в жизни поплыл тут — все очень нравится: и вода не кажется соленой, и волны радуют...

Но вот однажды мне показалось, что наши отношения с Ольгой стали походять на выцветшие обои на родительской даче: картинка вроде есть, а яркости и радости нет.

И тогда я придумал самый дурацкий вопрос, который только может задать мужчина женщине. Вопрос этот я потом задавал сотни раз, и он ни разу не привел ни к чему хорошему.

Но я все равно его задавал. Потому что ничего не понимаю в любви.

Я спросил Ольгу:

— Ты меня любишь?

Она посмотрела на меня тем взглядом, которым, наверное, смотрит киллер прежде, чем произвести выстрел.

И ответила:

— Я не понимаю, что такое любовь. Я понимаю, когда с человеком плохо и когда с человеком хорошо. Мне с тобой плохо.

И она отвернулась.

Мир рухнул.

Этот ее ответ я потом много раз использовал, расставаясь с женщинами. Хороший выстрел. Контрольный уже не требовался.

Поединок с Ольгой я проиграл.

Потом многие выигрывал. Не исключаю, что именно потому и выигрывал, что этот проиграл.

Юность — это вообще соревновательная история. Такой бесконечный спорт. Ты должен доказать миру самого себя: в профессии, в любви, да во всем, в общем.

Не участвуют в соревновании только те, кому на все наплевать: это либо гении, либо неудачники.

Чем ближе старость, тем меньше соревновательности в любви.

Цель меняется. Тебе уже не надо ее победить.

Ты хочешь найти ту, с кем можно будет стареть. Потому что стареть вообще-то очень страшно. И совсем невозможно в одиночестве...

Как же это важно: однажды перестать бороться со всем, кроме одиночества! Однажды понять: на самом деле никакого иного страха и нет, кроме этого.

Но это только мой опыт подсказывает: в юности любовь — соревнование, в зрелости и старости — попытка победить одиночество.

Мой личный опыт. Кто смеет утверждать, будто он необходим еще кому-то, кроме меня?

В любви опыта нет. Ты наступаешь на одни и те же грабли, каждый раз надеясь, что они не дадут тебе по лбу, а унесут в небо.

А они дают...

Зачем нужны все эти книжки про любовь, если они никого ничему не учат?

Может быть, нам просто интересно читать про любовь, чтобы не чувствовать себя одинокими в этом бесконечном страдании?

Я когда-то услышал фразу: и получше нас люди умирали. Незамысловатая мысль успокаивала.

Может быть, и с любовью так же? Ты не один в этом бесконечном страдании. Это не стыдно так переживать. На миру вроде как и любовь красна.

Успокаивает...

Я хожу по квартире и жду ее звонка или эсэмэски. А она не звонит и не пишет.

Они всегда не звонят и не пишут, когда их ждут.

Они чувствуют всегда, что их ждут, — и не звонят и не пишут. Таким образом привязывают к себе. Вот и всё.

И мы знаем это. И все равно привязываемся.

И грабли ласково ложатся под ноги...

МИХАИЛ, 45 ЛЕТ, БИЗНЕСМЕН:

— Что во мне не так? Не, ну ты посмотри на меня. Ничего, что на «ты»? Так удобнее, нормально? Нормальный же я, вроде, мужик. Правильно? Две жены было. На одной по залету женился. По молодости. Со второй любовью была. Я тогда еще только начинал. Пацан совсем. Двадцать лет. Лихие девяностые. В меня стреляли однажды, когда мы рядом шли. А она не убежала, представляешь? Скорую вызвала, жизнь мне спасла. Хорошо жили.

А потом она ушла от меня к моему партнеру... Не объясняла ничего... Вообще. Прихожу домой, там записка: «Меня не ищи». Это мне потом Сашка, партнер мой, сказал, что она к нему ушла. Предлагал доли наши поделить, рассыпать дело... А зачем?

Сашка, в общем, ни при чем был. Женщины вообще — они странные такие... От смерти спасла, а к другому ушла...

Ладно, не суть.

И вот, значит, Ира. Фотографию хочешь посмотреть?

В телефоне десятки, если не сотни, фотографий.

— Класс, да? Красивая. Сколько ты ей дашь? А ей сорок, представляешь? Не выглядит же на сорок, правда? Тридцатник, не больше.

Короче, мы с ней познакомились, и я стал за ней ухаживать. Цветы мой водитель ей каждый день привозил. Рестораны там. То да се. Гулять еще она очень любила. Ну, я гулял, как дурак: парки там. Усадьбы загородные.

Ладно, тоже полезно. А то чё? Машина — офис, машина — офис... А тут воздух как-никак. Тренировка. И вообще.

Целовались на природе. Как в юности. Я машину сам стал водить. Машина — это ж домик такой, понимаешь? Там тоже целовались, но до большего не доходило.

И вот я однажды к дому ее привез, а она говорит:

— Хочешь посмотреть, как я живу?

Ну вот ты бы понял, на что женщина намекает? Я тоже так решил.

Мы пришли. Хорошая такая квартира. Небольшая двухкомнатная, но хорошая. Евроремонт. Все дела. Комбайн на кухне дорогой. Кресла кожаные, нормально все. Поцеловались еще в прихожей, и я руками стал...

А Ира говорит:

— Не надо. Не могу пока.

Ну, не надо и не надо. Сидим, разговариваем на кухне. Ирка — она необычная очень, понимаешь? Не такая, как все. Интересная. Сейчас же все — про что? Про деньги, про сплетни, про шмотки. А она про жизнь говорила. Интересно с ней было.

Хотя хотел ее, конечно. А как? Такая красавица.

И вот месяц проходит, второй... Целуемся, обнимаемся... Я в гости к ней хожу. Она ко мне — нет. Ни домой, ни на дачу. Один раз в усадьбу ездили неподалеку от моей дачи.

— Давай, — говорю, — заедем. Чаю попьем. У меня там люди есть, за домом следят, чай нам заварят. Посидим. Посмотришь хоть, как я живу. Она ничего не ответила. Словами. Посмотрела только. И я сразу понял: «Нет».

Она так умеет смотреть — никаких слов не надо.

И вот однажды сидим у нее дома вечером, я уже уходить собираюсь. Эсэмэска к ней приходит. Она читает и... как бы это сказать, чтобы ты понял... отстраняется как бы. Понимаешь? Я даже спросил:

— Ничего не случилось?

Она улыбнулась:

— Нет.

А я вижу: случилось. Это ж всегда ощущается, особенно если влюблен, то есть чувствуешь женщину.

Она когда в туалет отошла, я даже решил телефон ее посмотреть... Но не стал. Унизительно это как-то.

Ну и вот...

Михаил замолкает. Пальцы начинают перебирать воздух. Большой, красивый, уверенный в себе мужчина. Смотрит мимо. Словно там, куда смотрит, хочет увидеть то, чего ему видеть не хочется.

Люди не приходят на такие разговоры с хорошим. Они приходят только с плохим — с таким, о чем вспоминать не хочется.

— Твой директор сказала, чтобы я на встречу с тобой вопрос приготовил. Самый главный, который мучает... Какой у меня вопрос? «Что во мне не так?» Вот какой вопрос...

Ну ладно... Короче, я вышел, но никуда не поехал. На лестничной клетке остался... Потом послал ей эсмэску: «Я дома. Все хорошо. Целую». У нас так принято было.

Ты понимаешь, я не то чтобы предчувствовал говно какое-то, а точно знал. Прямо уверен был. И тут лифт поехал — вызвал кто-то. Время позднее очень, лифтом никто не пользуется. А тут прямо грохот раздался. Как взрыв.

На площадке комнатка такая была, где мусоропровод. Я спрятался там.

Лифт приехал на этаж. Вижу: из лифта мужик выходит и идет к Иркиной квартире. Он